

интернационализацию криминального бизнеса, расширение международных террористических сетей, иных форм насилия, ксенофобии, нетерпимости. Наиболее значимыми на сегодняшний день являются угрозы международного терроризма, распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, «разморозки» региональных вооруженных конфликтов, возникших в годы «холодной войны» (Ближний Восток, Кипр, Корея) либо в 1990-х гг. (Южный Кавказ, Балканы). Крайне актуальной является проблема международного вооруженного вмешательства, «гуманитарных интервенций». В 2000-х гг. возникла проблема использования в конфликтах «частных» вооруженных формирований (охранные агентства и т. п.). Задача создания эффективной системы международной безопасности, охватывающей уровень отдельных государств, регионов и всего мира сохраняет актуальность.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ОТ АЛЬТРУИЗМА К ПРАГМАТИЗМУ

Шарано А. В., Белорусский государственный университет

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на гео- и региональное положение Беларуси, является политика Европейского союза. В свою очередь, как показывают принимаемые Евросоюзом решения, она во многом зависима от политических позиций и предпочтений, пожалуй, самого мощного государства ЕС — Федеративной Республики Германия. На разных этапах европейской интеграции политика ФРГ варьировалась от откровенного политического и экономического альтруизма до проявлений твердой политической воли и традиционного немецкого прагматизма, если дело касалось отстаивания своих интересов.

Как ни странно, особенно ярко альтруистические мотивы в политике ФРГ звучали в первые послевоенные годы, когда, казалось бы, и положить на алтарь европейской интеграции у ФРГ было нечего: разделенная страна, разрушенная экономика и неясное германское будущее. В этих условиях традиционный немецкий прагматизм предопределил главную цель германской послевоенной политики — объединение Европы, где бы в перспективе Германия играла ведущую роль. Характерно, что для первой плеяды германских канцлеров К. Аденауэра, Л. Эрхарда, К. Кизингера, В. Брандта и, в меньшей степени, Г. Коля, общим был лозунг — «объединение Европы любой ценой» как в политическом, так и финансово-экономическом смысле. Сам призыв к объединению европейских стран был одним из тех аспектов немецкой политики, которые, пожалуй, не вызывал острых разногласий между двумя лидирующими партийными силами ФРГ — блоком ХДС/ХСС и СДПГ.

Реализация этого интеграционного проекта, помимо всего прочего, позволяла Германии решить и еще одну немаловажную задачу — объединить немцев какой-то общей идеей (известная фраза Аденауэра: «Европейское единение и немецкое единство — две стороны одной медали»).

Что касается тогдашнего альтруизма, то он проявился в готовности ФРГ пожертвовать своим былым величием, признав вину за развязывание II мировой войны, и безоговорочным согласием подчиниться военно-политическим планам США. На том этапе такое «самопожертвование» было далеко не бескорыстным: используя возрождаемый при помощи США военно-промышленный потенциал, Германия надеялась компенсировать потери былых геополитических и европейских позиций.

Единственное, что вызывало разногласия и острые дискуссии в партийных структурах ФРГ — «цена вопроса». Первым об этом заговорил канцлер Г. Коль, последний наследник аденауэровских традиций. Именно в годы его правления началась коренная трансформация ЕЭС в полноценное политико-экономическое образование Европейский союз, а вместе с этим — пересмотр основополагающих принципов европейской политики Германии. В основе новой внешнеполитической концепции ФРГ лежал ответ на вопрос: «Европейская интеграция, но какой ценой?». В финансовом плане немецкое руководство осознавало неизбежность возрастания бюджетного бремени и своей доли в общем евро-

пейском «финансовом котле». И все же Г. Коль, с учетом перспективных политических предпочтений, был вынужден поступиться значимостью немецкой марки (по его словам, «частью национальной гордости») и пойти на подписание Маастрихтского договора, т.е. на создание валютного союза (еврозоны). Это был тот рубеж, когда стали говорить о «старой» и «новой» европейской политике ФРГ. С этого времени принцип «объединение Европы любой ценой» становится предметом как острых внутрипартийных дискуссий, так и мощным оружием межпартийной борьбы ХДС/ХСС и СДПГ.

В новой европейской политике Германии все в меньшей степени стали проявляться альтруистические мотивы, готовность поступаться «принципами» и своими интересами. Наоборот, с эпохи «позднего» Коля и «раннего» Шредера ФРГ все решительнее заявляет, «кто есть кто» в Европе. Следует сказать, что такой новый подход к выстраиванию европейской политики у Германии имел как политические, так и экономические основания.

С политической точки зрения, к началу XXI в. ФРГ, по мнению ее руководства и немецких политологов, уже полностью освободилась от наследия позорного фашистского прошлого своей страны. Если в послевоенные годы тезис «равная среди равных» был адекватен уступчивости в политике ради Европы, то в конце 1990-х гг. он в понимании немцев означал, что Германия может уже на равных и даже с более высоких позиций разговаривать со своими партнерами по Европейскому союзу. Сам Шредер, первый канцлер постданауэровской эпохи, уже ничем не был связан с фашистской Германией и мог политически свободно позиционировать себя среди своих коллег по ЕС.

В экономическом плане, к началу XXI века ФРГ вышла на лидирующее место в Европе и этим, как считали немецкие эксперты, завоевала право если не диктовать, то «твердо рекомендовать» утверждения своих финансово-экономических предложений в структурах Евросоюза. Говоря об экономике, нельзя сбрасывать со счета и факт объединения двух Германий, а значит и двух экономических потенциалов.

Особенно ярко новая европейская политика Германии стала проявляться в ходе разработки и подписания основополагающих документов Европейского союза, начиная с Маастрихтского (1991 г.), Амстердамского (1997 г.), Ниццкого (2001 г.) договоров и заканчивая Лиссабонским договором (2007 г.). Сутью ряда немецких предложений (как, впрочем, и французских) были требования разделить членов ЕС в зависимости от «стажа» в структуре объединенной Европы («группа первопроходцев» евроинтеграции, «авангарда»), экономических и демографических показателей (численность населения). Например, при обсуждении Ниццкого договора, касающегося распределения голосов в Европарламенте, а также процедуры принятия решений в Совете министров ЕС Германия настояла на учете факта населения в связи с объединением с ГДР, тем самым сохранив свои 99 голосов в отличие от других стран (например, Франция, Италия и Великобритания вместо 87 получили по 72 голоса). «Свой голос» был высказан Германией и при принятии Европейской конституции, а затем — Лиссабонского договора.

В то же время главное, где ФРГ не хотелось бы быть в числе лидеров — это в выделении средств на реализацию всех интеграционных проектов, которые были утверждены и приняты этими договорами. Правительство Г. Шредера с осторожностью восприняло заявление экс-президента Франции Жискара д'Эстена о важности в ЕС франко-германского «мотора», «вклад которого в объединенную Европу будет значительным, если не решающим». Тем более, что кабинетом Шредера уже был одобрен ряд внешнеполитических решений ЕС и НАТО, потребовавших немалых финансовых отчислений из бюджета ФРГ (участие бундесвера в наговских бомбежках Сербии, отправка немецких солдат в Афганистан и т. д.). По этим и ряду других причин Германия в 2004—2005 гг. допустила самый серьезный за послевоенные годы бюджетный дефицит, заставивший Шредера поставить вопрос об исправлении «Пакта стабильности ЕС». Кстати говоря, этот шаг был первым на пути расшатывания валютного союза и приведший, в конечном счете, к острым политическим баталиям вокруг нынешнего Стабилизационного фонда.

Еще больше немецкий прагматизм, отстаивающий интересы ФРГ, просматривается в европейской политике А. Меркель. На ее долю выпала нелегкая задача поиска «золотой середины» между желанием сохранить устои Евросоюза путем определенных финан-

совых уступок, с одной стороны, и минимизировать протестные настроения в немецком обществе как реакцию на согласие А. Меркель увеличить отчисления из бюджета ФРГ в Стабилизационный фонд, с другой. В ответ на колебания немецкого канцлера, вице-президент Еврокомиссии В. Рединг заявил: «Побольше мужества, Ангела! Скажи твоему народу, что мы все были солидарны, когда Германия воссоединялась!» Нужно сказать, что сомнения А. Меркель вокруг Стабилизационного фонда были во многом оправданы: согласно планам, сумма гарантированных обязательств стран еврозоны возрастет до 780 млрд евро, а доля ФРГ в них увеличится со 123 млрд до 211 млрд евро (более 25 %). Эта сумма настолько значительна даже для такой мощной страны, как ФРГ, что для ее утверждения потребовалось одобрение не только со стороны бундестага, но и Конституционного суда государства.

Вместе с тем, согласие А.Меркель на выделение таких больших средств в общеевропейский финансовый «котел» отнюдь не означает проявление какого-либо альтруизма со стороны Германии. Наоборот — это свидетельство трезвого, прагматичного подхода к решению актуальных партийных проблем как для самой Меркель и ее правящей коалиции, так и для ФРГ в целом. Как отмечается в статье газеты «Ди Цайт» под заголовком «Германии надо определиться с Европой она или...», «Сегодня Германия, как никогда раньше, чрезвычайно важна для Европы. Никогда еще внешняя политика ФРГ не была такой неопределенной. Судьба нынешнего правительства зависит от единственного вопроса — сумеет ли она заново позиционировать Германию в Европе?» И далее: «Прежние утверждения о том, что Германия слишком мала для гегемонии в Европе больше не соответствуют положению вещей. Достигнутый в свое время компромисс, согласно которому Германия являлась главной экономической державой Европы, а Франция — политической, сегодня уже не действует. Раньше Германия могла влияние купить. Сегодня она обладает и огромным политическим весом». Такая политическая переоценка роли Германии для Европы идет параллельно с изменениями взглядов самих немцев на значимость ЕС для простых граждан ФРГ. В этой же газете «Ди Цайт» отмечается: «Многие немцы начинают ощущать себя жертвами Евросоюза. Если раньше европейская идея была ценной сама по себе, то теперь многие немцы считают, что Европа представляет собой угрозу их ценностям и благосостоянию».

Из приведенных выше цитат можно сделать два важных обобщения: первое — Германия важна для Европы. Она сильна для гегемонии, вторая — Европа есть угроза экономическому положению ФРГ и благосостоянию самих ее граждан. А. Меркель, проталкивая в бундестаге и Конституционном суде идею увеличения бюджета Стабилизационного фонда, опиралась на первый вывод, считая, что долг Германии — помочь Европе и этим укрепить свои позиции как «локомотива» ЕС. Однако при этом, она недооценила второй фактор — настроения людей. По мнению агентства «Дойче Велле», «если бы в Германии существовала система прямых выборов федерального канцлера, то А. Меркель лишилась бы своего поста».

Одновременно в последнее время отмечается падение популярности правящей коалиции: блок ХДС/ХСС и СвДП поддерживают лишь 32 % избирателей. Европейская политика кабинета А.Меркель подверглась резкой критике со стороны бывшего канцлера Г. Коля («Она разрушает мою европейскую политику»), известных представителей ХДС (например, заместитель председателя ХДС, премьер-министр Гессена Ф. Буфье), ряд известных экономических экспертов (например, глава Экономического совета ХДС К. Лаук).

Что касается отношения простых немцев к европейской политике кабинета Меркель, то они его выразили в ходе местных выборов этого года. Первые поражения ХДС, ХСС и СвДП произошли на выборах ландтагов земель Баден-Вюртемберг и Рейнланд-Пфальц в марте 2011 г., но особенно ярко недовольство избирателей проявилось в выборах земельного парламента земли Мекленбург — Передняя Померания (ХДС — 24 %, СДПГ — 36 %, СвДП не набрал 5 % необходимых голосов).

Таким образом, нынешний финансовый кризис в Евросоюзе еще больше обнаживший недоработки принятых в ЕС регламентирующих документов, поставил руководство многих его государств перед непростой дилеммой — поиском оптимального удовлетворения

нужд Евросоюза в целом и потребностей экономик самих этих стран. Как показывают последние решения ЕС, основное бремя этих расходов ложится на самые мощные государства Европы, прежде всего на ФРГ. Именно по этой причине европейская политика Германии все в большей степени строится и реализуется на основе трезвых и взвешенных оценок своей роли в Евросоюзе. Это предопределяет ее вынужденный политический и экономический «альтруизм», с одной стороны, с другой, — в этой политике просматривается очевидное стремление властей ФРГ не перейти ту черту, за которой станет ощущаться отрицательное влияние этого «альтруизма» на экономику страны и благосостояние немецких граждан. Это и есть политико-экономический прагматизм, граничащий с порождением глобализации — государственным эгоизмом.

ПОЗИЦИЯ ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (2011 г.)

Шевелёва М. В., Белорусский государственный университет

Произошедшие в 2011 г. политические кризисы в странах Ближнего Востока и Северной Африки («арабская весна») привели к существенным изменениям в регионе. Политические кризисы и последовавшие за ними реформы затронули страны — участницы Движения неприсоединения (ДН), в том числе председательствующее в настоящее время государство — Арабскую Республику Египет. В этой связи видится актуальным проследить формирование позиции ДН в отношении событий, происходящих в арабских странах.

Следует отметить, что ДН до сих пор не выработало общую позицию в отношении указанных событий: коллективных заявлений не последовало. Движение не давало оценку и довольно слабо реагировало на политические кризисы в арабских странах, а произошедшие там изменения, в том числе в Египте, были автоматически поддержаны. В 2011 г. ДН провело два крупных международных форума: XVI Министерскую памятную конференцию стран — участниц Движения неприсоединения (Бали, Индонезия, 23—27 мая 2011 г.) и юбилейную встречу на уровне министров, посвященную 50-летию образования Движения неприсоединения (Белград, Сербия, 5—7 сентября 2011 г.). В итоговых документах XVI Министерской конференции — Памятной декларации и Заключительном документе — события «арабской весны» не упоминаются, и общая позиция ДН не сформулирована. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, ДН последовательно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела государства. Во-вторых, формат работы Движения не предполагает быстрой реакции на текущие события: общее видение проблем вырабатывается преимущественно на саммитах ДН. Даже в ситуации с Ливией Движение ограничилось лишь выражением «обеспокоенности» по поводу начавшегося вооруженного конфликта, а также призывом к сторонам прекратить огонь и начать национальный диалог. Можно предположить, что общая оценка событиям в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также официальная позиция ДН в отношении политических изменений в регионе будет сформулирована на предстоящем в 2012 г. саммите Движения в Тегеране.

Арабские страны — участницы ДН, в свою очередь, использовали политическую платформу и руководящие принципы Движения — защиту суверенитета и территориальной целостности государства, невмешательство во внутренние дела, поддержку свободного волеизъявления народа — чтобы обосновать официальную позицию «постреволюционных» властей в отношении произошедших в государстве изменений, также подчеркнуть легитимность и состоятельность переходных органов власти. Это, в частности, характерно для Египта и Туниса. Так, на упомянутой выше XVI Министерской конференции министр иностранных дел Туниса отметил, что произошедшие в государстве политические изменения — это «результат потребности народа в достойной жизни и стремления к свободе», а перечисленные им мероприятия, проведенные переходным правительством, способны «успешно завершить переходный период». Исполнявший обязанности Председа-